

делить (как при чтении, так и графически) на две части, по числу слогов: 6 + 8, или 6 + 6:

Лукавство не всегда
 ко злобе прибегает...
Свирепый оный змий
 приемлет агнчий вид.

Гавличек последовательно писал в ритме трохея, отвечающего особенностям чешского языка. Его строфа всегда складывается из четырех коротких стихов, причем так, что два и два из них каждый раз повторяют то же ритмическое строение двух самостоятельных ритмических единиц из восьми и шести слогов. Для сравнения со стихом Хераскова четыре строки сатиры Гавличка можно было бы написать в двух строках:

Jedna hora vysoká je a druhá je nízká,
kdo nemá své muzikanty, na hubu si píská.

Именно такие строфы и стихи, которые избрал в своем «Крещении св. Владимира» мастер чешского стиха, наиболее соответствуют духу чешского языка и свидетельствуют об углубленном изучении автором ритмов народных песен. Используемая же им ритмика украинских «коломиек» привнесла в его «легенду из русской истории» мелодику восточноевропейского мира.

Оба произведения основываются на материале древних летописей, которые изменены в согласии с художественными задачами авторов. Но именно в этих отклонениях чешская сатира неоднократно сближается с поэмой Хераскова. Особенно близка она к ее второй и четвертой песням (по 2-му изд.), где изображены массовые сцены, «советы» и приход иноземных послов в Киев.

Известно, что произведение Гавличка осталось незаконченным. Он предполагал сделать кульминационными две песни, названия которых содержатся в общем плане «Крещения св. Владимира»: «Решающая битва между католиками и греками. — Крещение. Конец. Веселье». ¹⁰ Эти песни, само название которых говорит об их пародийной и сатирической направленности, должны были завершить историю «царя» Владимира, как о ней рассказывают летописи, а также, по-своему, Херасков. Молодому чешскому сатирику и одному из зачинателей критического реализма была безмерно чужда пышность и помпезность стиля «эпической поэмы» о Владимире. Если допустить, что Гавличек знал эту поэму, то мы глубже пойдем в его сатире немало мест, значение которых до сих пор не было полностью осознано. Но даже и без прямой зависимости одного автора от другого оба произведения заслуживают взаимного сопоставления. Оно еще раз свидетельствует о традиционной близости наших литератур.

¹⁰ См. книгу Карла Тумы: К. T ů m a. Karel Havlíček, стр. 592—593. Приведено также у Г. Омельченко: Н. О м е л ' ч е н к о. Dějiny textu, стр. 19.